

18+

Маргарита Крылова

Конфликты дома

Почему ссорятся самые
близкие люди и как услышать
друг друга

Маргарита Крылова

**Конфликты дома. Почему
ссорятся самые близкие люди
и как услышать друг друга**

<https://litres.ru/74544889>

ISBN 9785007139069

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Почему ссорятся самые близкие люди и как научиться слышать друг друга? В книге «Конфликты дома» научные знания о семье — из конфликтологии, психологии, социологии и философии — изложены простым языком. Автор рассказывает, как устроена современная семья и как она меняется, откуда берутся семейные конфликты и как они развиваются. Отдельно разобраны возрастные кризисы, воспитание, отношения с родственниками, домашнее насилие, развод и партнёрская модель семьи.

Содержание

Конфликты дома	5
Содержание	6
Кому адресована эта книга	8
О чём эта книга	9
Одно важное уточнение	11
Как читать эту книгу	12
Семья глазами разных наук	15
Семья как субкультура	30
Семья под надзором церкви	34
Что говорит закон сегодня	37
Какие бывают семьи	42
Патриархат, матриархат, эгалитарность	46
Чайлдфри и открытый брак	50
Дети как смысл семьи	55
Воспитание, контроль, экономика	58
Гендерный порядок и его иерархия	66
Кризис мужественности	68
Фрейд: что формируется в детстве	70
Восемь стадий одного пути	76
Что такое жизненный кризис	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Конфликты дома
Почему ссорятся самые
близкие люди и как
услышать друг друга

Маргарита Крылова

© Маргарита Крылова, 2026

ISBN 978-5-0071-3906-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конфликты дома

Почему ссорятся самые близкие люди и как услышать друг друга

Крылова Маргарита Александровна

Содержание

От автора

Эту книгу можно было бы назвать инструкцией. Но у семьи нет инструкции — есть только опыт, чужой и свой, и попытка в нём разобраться.

Много лет я преподаю дисциплину «Семейные конфликты» будущим конфликтологам — тем, кто потом будет разводить, мирить, консультировать и просто помогать людям понимать, что происходит между ними и их близкими. За эти годы я убедилась в одной простой вещи: почти всё, что психологи, социологи и философы знают о семейных конфликтах, устроено так, что могло бы быть интересно не только студентам. Оно могло бы быть полезно каждому, кто хоть раз стоял на кухне в два часа ночи и не понимал, как обычный разговор о немытой посуде превратился в выяснение отношений на десять лет вперёд.

Эта книга — попытка перевести академический язык конфликтологии, психологии и социологии семьи на язык человека, который просто хочет понять, что происходит в его собственном доме. Здесь будут Фрейд и Адлер, Хорни и Гидденс, будут социологи Харчев и Мацковский, будет Домострой и Семейный кодекс — но всё это не для того, чтобы блеснуть эрудицией, а для того, чтобы дать вам инструмен-

ты: слова для того, что вы чувствуете, и понимание того, почему это происходит именно так.

Семейный конфликт — это не поломка. Понимание, которое давно устоялось в науке, но плохо приживается в быту, звучит так: конфликт — не признак того, что семья «не удалась». Конфликт — это нормальная, неизбежная часть жизни любых двух людей, которые решили быть рядом достаточно долго, чтобы успеть узнать друг друга по-настоящему. Вопрос не в том, как избежать конфликтов — это невозможно и, как ни странно, не нужно. Вопрос в том, как прожить их так, чтобы они не разрушали, а иногда даже укрепляли то, ради чего всё затевалось.

Кому адресована эта книга

Тем, кто хочет понять, почему ссоры с партнёром так похожи друг на друга, из года в год — будто кто-то включает одну и ту же запись.

Тем, кто растит детей и то и дело сталкивается с непонятым сопротивлением, обидами, «подростковым бунтом» — и хочет понимать психологическую механику происходящего, а не просто переживать.

Тем, кто застрял в конфликте с собственными родителями или взрослыми детьми и хочет найти выход, а не просто прекратить разговаривать.

Студентам и коллегам-психологам, юристам, социальным работникам — тем, для кого семья является предметом профессионального интереса, но кто хотел бы увидеть научный материал не в виде сухих определений, а в виде живого, связного рассказа.

И, наконец, всем, кто просто хочет лучше понимать самих себя — потому что то, как мы ведём себя в конфликте с близкими, обычно многое говорит о том, кто мы есть.

О чём эта книга

Мы начнём издалека — с вопроса, который кажется наивным, но на самом деле совсем не прост: что такое семья? Психологи, социологи и философы отвечают на него по-разному, и в этих разногласиях уже спрятана значительная часть будущих семейных конфликтов. Мы проследим, как менялось представление о семье — от языческих и христианских укладов Древней Руси до современного Семейного кодекса, от античных философов до Льва Толстого, чья собственная семейная драма стала одной из самых известных иллюстраций того, о чём эта книга.

Затем мы разберёмся, из чего вообще состоит семья — какие бывают её модели, какие функции она выполняет и почему многие конфликты рождаются именно тогда, когда одна из этих функций перестаёт работать. Отдельный разговор — о различиях между мужчинами и женщинами: не в смысле бытовых стереотипов, а в смысле той психологической и культурной почвы, на которой вырастает едва ли не большинство семейных недоразумений.

Мы пройдем семью по её жизненному циклу — от медового месяца до опустевшего гнезда — и увидим, что у каждого этапа есть свои закономерные, предсказуемые кризисы. Разберём, что такое семейный конфликт с научной точки зрения, какие они бывают, откуда берутся, как разгораются

и гаснут. Отдельно и подробно поговорим о том, о чём говорить труднее всего — о домашнем насилии и агрессии в семье: без стыдливого умолчания, но и без искусственного нагнетания драмы, языком фактов и понимания механизмов.

И закончим тем, ради чего, в сущности, всё это написано — конкретными подходами к тому, как предупреждать и разрешать семейные конфликты: что говорит наука о профилактике, о культуре общения, о медиации, и как использовать эти знания не в теории, а за собственным кухонным столом.

Одно важное уточнение

Эта книга написана на основе научного материала — исследований психологов, социологов, юристов и философов, изучавших семью на протяжении полутора веков. Но её язык — не язык учебника. Там, где наука довольствуется термином, я буду искать историю, метафору, узнаваемую ситуацию. Потому что знание, которое не находит дороги к обычной жизни, остаётся красивым, но бесполезным орнаментом.

Истории из практики, которыми проиллюстрирована каждая глава этой книги, — собирательные, вымышленные композиты, а не пересказ конкретных консультаций конкретных людей. Имена, детали биографии, профессии героев изменены и перемешаны так, чтобы ни один реальный человек не мог узнать в них себя, — но сами психологические механизмы, которые эти истории иллюстрируют, взяты из многолетнего преподавательского и консультативного опыта и из проверенной научной литературы, на которую эта книга щедро ссылается.

Семья — самое близкое, что у нас есть, и именно поэтому в ней прячутся самые острые конфликты. Разобраться в механике этих конфликтов — не значит разлюбить или разочароваться. Значит — научиться быть рядом друг с другом чуть более осознанно. Именно этому и посвящена эта книга.

Как читать эту книгу

Двадцать основных глав книги выстроены в той же логике, в какой обычно читается университетский курс семейной конфликтологии — от общего к частному, от теории к практике. Первые восемь глав закладывают фундамент: что такое семья с точки зрения разных наук, как она регулируется законом, какие у неё бывают модели и функции, откуда берутся гендерные различия и жизненные кризисы, как на семью влияет более широкий исторический и государственный контекст. Следующие семь глав посвящены собственно конфликту — его классификации, факторам, динамике, самым тяжёлым формам вроде домашнего насилия и агрессии, а также профилактике и технологиям разрешения. Шестнадцатая глава возвращается к людям внутри семьи: к возрастным кризисам женщин, мужчин и подростков, которые нередко лежат в основе конфликтов, кажущихся необъяснимыми. Семнадцатая глава поднимает взгляд на уровень всего института семьи: она рассказывает о трудностях его построения, о его кризисе и о новой, партнёрской модели семьи и том, чего она требует от двоих. Восемнадцатая глава посвящена детским кризисам и семье как институту воспитания, а девятнадцатая — межпоколенческим и родственным конфликтам: между родителями и детьми, бабушками, свекровью и невесткой, тёщей и зятем, братьями и сёстрами

и другими родственниками — с их классификациями. Двадцатая глава рассказывает о том, что происходит, когда семья распадается: о разводе как процессе, о детях, о совместном родительстве и о семьях повторного брака.

Книгу можно читать подряд, от начала до конца, — тогда она работает как связный, последовательный курс. Но её можно читать и выборочно, в зависимости от того, что актуально именно сейчас: если вас беспокоит конкретный, повторяющийся паттерн ссор, начните с одиннадцатой главы о динамике конфликта; если вопрос в разном понимании ролей в семье — с четвёртой и десятой; если вы студент или практикующий специалист, ищущий систематический обзор темы, — двигайтесь по порядку.

В конце книги вас ждут четырнадцать приложений — практических и справочных материалов, дополняющих теоретические главы; среди них: диагностические тесты, которые помогут применить прочитанное к собственной ситуации; словарь терминов для быстрой справки; ответы на часто задаваемые вопросы; аннотированный список литературы для тех, кто захочет читать первоисточники; готовые формулировки для трудных разговоров; список организаций, куда можно обратиться за помощью; и вопросы для размышления к каждой главе — для тех, кто хочет читать эту книгу не в одиночку, а вместе с партнёром или в группе.

Идею, ранее уже опробованную в книге «Конфликты на работе», написанной на основе курса «Организационные

конфликты», в этой книге мне хотелось довести до предельной практичности: не просто рассказать о том, что знает наука о семье, но дать читателю в руки конкретный, применимый набор инструментов, к которому можно будет вернуться в следующий раз, когда обычный вечер начнёт превращаться в скандал.

Семья глазами разных наук

Начнём с вопроса, который звучит почти детски: а что такое, собственно, семья?

Кажется, ответ очевиден — это же просто люди, которые живут вместе, любят друг друга, растят детей. Но стоит приглядеться внимательнее, и окажется, что психолог, социолог и юрист ответят на этот вопрос по-разному. И что важнее всего для этой книги — каждый из них ухватит какую-то реальную, не выдуманную часть правды. Просто это будут разные части одного и того же явления. А то, что для одного человека в семье является нормой, для другого — уже нарушением какой-то невидимой границы, часто и есть корень будущего конфликта. Поэтому прежде чем говорить о ссорах, кризисах и примирениях, стоит понять, с каким именно объектом мы имеем дело.

Семья как поле битвы внутри нас: взгляд психоанализа

Самый неожиданный, пожалуй, взгляд на семью предложил Зигмунд Фрейд. До него человека привыкли считать существом в первую очередь разумным — тем, кто осознаёт свои поступки и способен их объяснить. Фрейд перевернул эту картину. Он показал, что за спиной у разумного, воспитанного человека прячется совсем другая, куда менее приличная сцена: там идёт непрерывная борьба неосознаваемых сексуальных и агрессивных побуждений, инстинктов и за-

претов. И именно эта борьба, а вовсе не рациональные договорённости, во многом определяет то, что происходит между людьми — в том числе в семье.

Для нашей темы это наблюдение неожиданно точное. Сколько раз в жизни каждого из нас случался конфликт «на пустом месте» — когда повод был ничтожным (кто-то не вынес мусор, не так посмотрел, забыл позвонить), а ссора вспыхивала такая, будто решалась судьба отношений? Фрейд сказал бы: повод действительно был ничтожным, потому что дело было не в поводе. Дело было в том, что где-то в глубине столкнулись куда более старые и куда более сильные вещи — детские обиды, вытесненные страхи, невысказанные желания, — а мусорное ведро просто оказалось той каплей, что заставила чашу перелиться.

Ученик и во многом оппонент Фрейда, Альфред Адлер, увёл эту историю в другую сторону. Он не отрицал внутреннюю борьбу, но поместил в её центр не инстинкт, а человека внутри его социального окружения — прежде всего семьи. Адлер придумал понятие, которое давно стало общеупотребимым — комплекс неполноценности — и показал, что рождается он именно в семье: из-за физической слабости ребёнка, из-за чрезмерной родительской опеки или, наоборот, из-за отвержения. То, как маленький человек справляется с этим ощущением собственной неполноценности — компенсирует его развитием, стремится к превосходству или, напротив, застревает в избегании, — во многом определяет тот

стиль жизни, с которым он потом придёт во взрослые отношения.

Адлер обратил особое внимание на роль матери: именно она первой формирует у ребёнка так называемый социальный интерес — способность чувствовать связь с другими людьми, сотрудничать, а не только соперничать. Затем в дело вступает отец. А третьим, по мнению Адлера, важнейшим фактором становятся отношения между самими родителями: в несчастливом браке, писал он, у детей значительно меньше шансов вырасти людьми, способными на здоровую близость. Иными словами, задолго до того, как ребёнок создаст свою собственную семью, он уже получает от родителей своеобразный урок — какими вообще бывают отношения между близкими людьми. И этот урок он, чаще всего не осознавая того, будет затем воспроизводить.

Человек, которому нужно больше, чем выживание

Совсем в другую сторону смотрели психологи гуманистического направления — Абрахам Маслоу и Карл Роджерс. Их интересовал не столько конфликт бессознательных сил, сколько целостный человек в его лучших проявлениях: способность к любви, к творчеству, к глубокому пониманию другого, к тому, что Маслоу называл самоактуализацией — стремлением стать тем, кем ты можешь стать.

Для семьи этот взгляд важен по одной причине. Гуманистическая психология напоминает: люди уживаются вместе не только для того, чтобы выжить, поделить быт и вырастить

детей. Они ищут в семье пространство, где их услышат, увидят, примут — причём не «в целом», а именно такими, какие они есть. И если это глубинное ожидание раз за разом не оправдывается — если муж или жена, родитель или ребёнок чувствуют, что их присутствие в семье сводится к функции, а не к личности, — рано или поздно это оборачивается конфликтом. Причём конфликтом, который снаружи будет выглядеть как спор о деньгах или распределении обязанностей, а внутри окажется куда более простым и куда более болезненным вопросом: «ты вообще видишь меня?»

Во второй половине двадцатого века из всех этих направлений выросла отдельная дисциплина — семейная психология. Она изучает, как семейные отношения возникают, развиваются и распадаются. Отечественный психолог Л. Б. Шнейдер обратила внимание на любопытный перекося в науке того времени: исследователи охотно изучали семью «как ячейку общества» — то есть смотрели на неё снаружи, как на структурную единицу, — а вот собственно отношения внутри семьи, то, как в них сплетаются судьбы конкретных, ни на кого не похожих людей, оставались на периферии внимания. Между тем именно там, внутри, и решается главный вопрос: получится ли у близких людей то самое искусство — быть вместе.

Семья как учреждение: взгляд социологии

Если психология идёт от человека внутрь его переживаний, то социология смотрит на семью снаружи — как на об-

ественный институт. И здесь картина получается совсем иной.

Ещё Огюст Конт, а вслед за ним Герберт Спенсер рассматривали семью как часть общего эволюционного процесса общества — явление, возникшее не по чьему-то замыслу или договору, а как естественный ответ на рост численности людей и усложнение социальной жизни. С этой точки зрения семья — не столько союз двух влюблённых, сколько древний социальный механизм, решающий вполне практические задачи: как обеспечить воспроизводство населения, передачу собственности, воспитание новых членов общества.

Отечественный социолог А. Г. Харчев дал определение, которое стало классическим: семья — это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, малая социальная группа, объединённая браком, родством, общим бытом и взаимной моральной ответственностью, и существующая потому, что общество нуждается в физическом и духовном воспроизводстве населения. За этой суховатой формулировкой стоит важная мысль: семья — не только личное дело двух людей. Общество всегда так или иначе заинтересовано в том, что происходит внутри семей, и это накладывает на институт брака дополнительный слой ожиданий, норм, а порой и давления, с которым отдельной паре приходится считаться, хотя бы они того или нет.

Социолог М. С. Мацковский предложил смотреть на се-

мью сразу с нескольких сторон. С одной стороны, это социальный институт — со своими нормами, санкциями, образцами поведения, регламентирующими то, как должны вести себя супруги, родители, дети. С другой — это малая группа, и здесь в дело вступают совсем другие понятия: групповая сплочённость или разобщённость, структура власти внутри семьи, каналы коммуникации, распределение ролей. Оказывается, семью можно анализировать теми же инструментами, что и любой трудовой коллектив: кто здесь принимает решения, как участники общаются друг с другом, насколько крепки связи между ними. Разница лишь в том, что из трудового коллектива можно уволиться, а из семьи — куда труднее, да и цена такого «увольнения» несравнимо выше.

Одно явление — два языка описания

К концу двадцатого века стало ясно: спорить о том, чей взгляд на семью «правильный» — психологический или социологический, — так же бессмысленно, как спорить, что важнее, скелет человека или его характер. Отечественный исследователь Л. Б. Шнейдер предложила синтетическое определение, которое хорошо показывает эту двойственность: семья — это одновременно ячейка общества, важнейшая форма организации личного быта, супружеский союз и сложная сеть отношений между супругами, родителями, детьми, братьями, сёстрами, бабушками и дедушками, ведущими общее хозяйство.

Проще говоря: семья — это одновременно социальный

институт (со стороны общества) и малая группа со своей внутренней системой отношений (со стороны психологии). И именно эта двойственность — источник значительной части семейных конфликтов, о которых пойдёт речь в этой книге. Потому что очень часто конфликт возникает именно на стыке этих двух измерений: когда то, чего требует от семьи общество, роль, статус, «как положено», — расходится с тем, чего на самом деле хотят и в чём нуждаются живые, конкретные люди внутри этой семьи.

Держите эту двойную оптику в голове на протяжении всей книги. Когда мы будем говорить о нормах, законах, моделях семьи — мы будем смотреть на неё как социологи, снаружи. Когда будем говорить о переживаниях, кризисах, динамике ссор — мы будем смотреть на неё как психологи, изнутри. И только вместе эти два взгляда дают полную картину того, почему семья — самое тёплое место на земле — так часто становится ещё и местом самых болезненных конфликтов.

История из практики: два языка одной ссоры

Представим (это собирательная, а не реальная история) молодую пару — назовём их Игорь и Настя. Они женаты три года, и у них есть повторяющийся конфликт, который оба искренне не понимают. Настя говорит: «Мне не нужно, чтобы ты решал за меня проблемы. Мне нужно, чтобы ты меня выслушал». Игорь отвечает: «Я же всё делаю — работаю, деньги в семью несую, машину чиню, с твоими родителями договариваюсь. Что ещё нужно?» После этих слов Настя обыч-

но замолкает, а через несколько дней конфликт повторяется почти дословно.

Если посмотреть на эту пару глазами социолога, всё выглядит логично: Игорь честно и качественно выполняет функции, которые исторически закреплены за мужской ролью в семье — экономическую, хозяйственно-бытовую, отчасти функцию социального статуса. С точки зрения структуры семьи как социального института у него нет претензий к самому себе — роль отыграна исправно.

Но Настя говорит на другом языке — языке психологии отношений, о котором мы говорили выше вслед за Мясищевым. Для неё важна не функция, а качество эмоциональной связи: слышат ли её, видят ли её как личность, а не только как участницу совместного хозяйства. Она не оспаривает то, что Игорь «хороший добытчик» — она говорит о совершенно другом измерении, которое социологическая оптика просто не фиксирует.

Показательно, что конфликт разрешился не тогда, когда кто-то из супругов «победил» в споре, а тогда, когда они — уже с помощью психолога — проговорили именно эту разницу языков. Игорь не стал носить в себе установку «я и так всё делаю» как обиду, а Настя перестала интерпретировать его практичные предложения решений как «его не интересуют мои чувства». Оба научились видеть, что говорят об одной и той же семье, но с разных сторон — и что оба взгляда одновременно верны.

Философы о семье: от Аристотеля до Розанова

Прежде чем стать предметом науки, семья много веков была предметом философии. И если психологи и социологи спорят о механизмах, то философы спорили о смысле — зачем вообще людям нужен этот союз, что в нём священного, а что иллюзорного. Этот спор не менее важен для понимания семейных конфликтов, чем любая научная теория: очень часто люди ссорятся не потому, что не сходятся в быту, а потому, что несут внутри себя совершенно разные, невысказанные представления о том, зачем вообще существует семья. Один считает её священным союзом, другой — практичным партнёрством, третий — вообще ловушкой природы. Стоит проследить, откуда берутся эти представления.

Платон против Аристотеля: спор, который не закончился

Начать стоит с Древней Греции — не только потому, что оттуда принято начинать всё, но и потому, что именно там произошёл первый содержательный спор о месте семьи в жизни человека.

Платон в своём проекте идеального государства семье как отдельному, самостоятельному институту особого значения не придавал. В его утопии стражи государства должны были жить общиной, а жёны и дети — быть общими: частная семья, по мысли Платона, порождает частные интересы, а частные интересы подтачивают единство государства.

Аристотель, ученик Платона, с этим категорически не со-

гласился. Для него семья была не помехой государству, а его естественным фундаментом — тем «общением, естественным путём возникшим для удовлетворения повседневных надобностей», из которого потом строится всё остальное здание общественной жизни. Аристотель вообще был на удивление конкретен: он писал даже о возрасте, подходящем для вступления в брак (по его расчётам, около тридцати лет для мужчины и восемнадцати — для женщины, при этом забываясь в первую очередь о здоровье будущего потомства), и подчёркивал нравственную сторону брака — верность как обязательное условие «благопристойности» отношений.

Этот спор — частная семья как угроза общему благу или частная семья как основа общего блага — не закончился в античности. Он, в сущности, продолжается до сих пор, просто в других декорациях: каждый раз, когда государство или общество вмешивается в дела семьи — регулирует разводы, воспитание, права детей, — оно так или иначе выбирает сторону в этом две с половиной тысячи лет назад начатом споре.

Французский философ Мишель Фуко, изучая античность, обратил внимание на важную деталь: со временем брак в греческом сознании перестал быть просто полезным для семьи и общины делом, устроенным по определённым правилам. Он стал, по выражению Фуко, «состоянием» — особой формой жизни, разделённой с супругом, личной связью и взаиморасположением партнёров. Иными словами, уже в античности брак начал превращаться из чисто хозяйственного со-

юза в нечто более интимное — в то, что мы сегодня назвали бы отношениями. И как только это произошло, в союз вошло совершенно новое измерение — эмоциональная близость, а вместе с ней и совершенно новый источник возможных конфликтов, которого не знали более ранние, чисто функциональные браки.

Три стадии брака по Энгельсу

Отдельная традиция изучения семьи связана с эволюционным подходом — попыткой понять, как менялась семья вместе с развитием человеческого общества. Самая известная работа здесь — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса, где он прослеживает брак через три стадии человеческой истории: дикость, варварство и цивилизацию.

Отечественный социолог С. И. Голод, посвятивший истории семьи и брака отдельное исследование, показал, что эта эволюционная линия занимала многих учёных — Льюиса Моргана, Максима Ковалевского, Фредерика Ле Пле, Бронислава Малиновского, Питирима Сорокина. При всех расхождениях в деталях их объединяет одна идея: семья — не застывшая, вечная форма, а живой, меняющийся вместе с обществом институт. То, что кажется нам «естественной» и «традиционной» семьёй, на самом деле — лишь один исторический вариант из многих, причём далеко не самый древний.

Это наблюдение стоит держать в голове, когда кто-то в

споре о семейных ценностях апеллирует к «испокон веков так было». Испокон веков было по-разному — и в этом смысле у семьи, доставшейся нам сегодня, нет никакой особой исторической неприкосновенности. Она — результат долгой эволюции, и, как всякий результат эволюции, продолжает меняться на наших глазах.

Русская философия: семья как таинство

Совсем другую, куда более возвышенную интонацию задала русская философская мысль конца девятнадцатого — начала двадцатого века.

Владимир Соловьёв в «Оправдании добра» рассматривал семью как часть нравственной организации человеческой жизни. Брак для него — не просто естественная связь полов, а нравственная задача, «пресуществление» природного влечения во что-то большее, где главную роль играет не расчёт, а то, что философ называл «любовой экзальтацией» — пафос любви, поднимающий отношения на иной, уже не чисто биологический уровень.

Иван Ильин пошёл ещё дальше, назвав семью «первым, естественным и в то же время священным союзом», в который человек вступает по необходимости — и который призван строиться на любви, вере и свободе. По мысли Ильина, именно в семье человек впервые учится тем самым «совестным движениям сердца», без которых потом невозможны ни настоящая привязанность к родине, ни служение государству. Семья здесь — не частное дело, а школа, в кото-

рой человек впервые учится быть с другим.

Пожалуй, самые эмоциональные слова о семье оставил Василий Розанов, считавший её «самой аристократической формой жизни». «Священное семьи вообще ничего нет, священное брака вообще ничего в человеческих делах нет», — писал он, видя в браке органический союз, коренящийся в самом законе природы — стремлении раздвоенной на два пола человеческой природы вновь обрести единство и цельность. Недаром, замечал Розанов, идеал брака, очищаясь в человеческом сознании, получил в конце концов значение таинства.

Стоит заметить: вся эта линия русской философии неотделима от этики. Для Соловьёва, Ильина, Розанова семья и брак — это не нейтральный социальный факт, а категории, тесно сросшиеся с представлениями о добре, морали, нравственности. И это тоже по-своему объясняет драматизм русских семейных историй: там, где брак воспринимается как таинство, а не как контракт, его распад переживается не просто как бытовая неудача, а как настоящая трагедия, крушение смысла.

Показательный пример такой трагедии — судьба Льва Толстого, который в своих сочинениях проповедовал идеал семейной верности и любви — достаточно вспомнить знаменитую первую фразу «Анны Карениной»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». А в собственной семье Толстой го-

дами переживал мучительный, всё углублявшийся конфликт с женой Софьей Андреевной — конфликт мировоззрений, ценностей, самого понимания того, как нужно жить, — который в итоге привёл к его тайному ночному бегству из Ясной Поляны на восемьдесят третьем году жизни и смерти на маленькой железнодорожной станции Астапово. Трудно найти более наглядную иллюстрацию того, о чём говорит эта книга: даже величайший знаток человеческой души может десятилетиями не находить выхода из конфликта с самым близким человеком.

Шопенгауэр: любовь как обман природы

На фоне этой возвышенной традиции особенно резко звучит голос немецкого философа Артура Шопенгауэра. В работе «Метафизика половой любви» он предложил взгляд, который сегодня назвали бы предельно циничным — хотя сам философ считал его просто честным.

По Шопенгауэру, браки по любви заключаются вовсе не в интересах отдельных людей, а в интересах рода. Влюблённым кажется, что они идут навстречу собственному счастью, но на самом деле ими управляет безличная сила природы, преследующая одну-единственную цель — рождение нового человека, который может появиться на свет только от них двоих. Как только эта природная задача выполнена, иллюзия рассеивается — и именно поэтому, замечал Шопенгауэр с явной горечью, браки по любви чаще всего оказываются несчастливыми.

Можно спорить с этим взглядом — большинство психологов и социологов, о которых пойдёт речь дальше в этой книге, с ним бы не согласились. Но в нём есть зерно, полезное для понимания конфликтов: очень часто пара, поженившаяся «по страстной любви», сталкивается с болезненным разочарованием именно тогда, когда первоначальное влечение начинает утихать, а на его месте должно появиться что-то другое — уважение, партнёрство, общие цели. Если это «что-то другое» не появляется, брак действительно рискует превратиться в то, о чём предупреждал Шопенгауэр.

Семья как субкультура

Двадцатый век добавил к философии семьи ещё одно измерение — культурологическое. Культурология смотрит на семью как на культурно-исторический тип, порождённый конкретной культурой, с собственным укладом, ценностями, традициями воспитания. И один из самых интересных выводов, к которым пришли культурологи, заключается в том, что современная семья дробится на множество субкультур.

Американский футуролог Элвин Тоффлер в книге «Шок будущего» заметил, что общество, разделённое по профессиональным и возрастным линиям, точно так же делится и по семейно-брачным. Когда-то людей грубо делили всего на три категории: одинокие, женатые, вдовы. Сегодня, писал Тоффлер, эта схема безнадёжно устарела — доля разводов в развитых странах настолько велика, что возникла целая новая социальная группа: те, кто больше не состоит в браке, или те, кто находится «между браками». У каждой такой группы — свои нормы, свои трудности, своя логика конфликтов, не сводимая к одной универсальной модели «семьи вообще».

Мишель Фуко, размышляя об этой же теме уже под другим углом, писал об «искусстве быть вместе» — особом стиле поведения, при котором каждый из супругов проживает свою жизнь как жизнь вдвоём, а брак требует не просто ра-

зумного согласования интересов двух людей, а настоящего слияния в некое общее существование. Это красивая метафора — но за ней стоит и практический вывод, важный для всей этой книги: семья не держится сама собой, «естественным образом». Быть вместе — это искусство, которому нужно учиться, и, как всякое искусство, оно требует практики, ошибок и терпения к собственному несовершенству.

Именно поэтому спор Платона с Аристотелем, Соловьёва с Шопенгауэром — это не архивная древность. Это разные ответы на один и тот же вопрос, который каждый из нас, часто того не осознавая, решает внутри собственной семьи: священный это союз или практичный контракт, школа любви или иллюзия природы, свободный выбор двоих или общественная необходимость. И то, что два человека, вступая в брак, отвечают на этот вопрос по-разному — сами того не подозревая, — оказывается одним из самых глубоких, самых незаметных источников будущих семейных конфликтов.

История из практики: спор о том, во что мы, оказывается, верили

Вот собирательный пример, часто встречающийся в консультативной практике. Пара — назовём их Марина и Олег — прожили вместе пятнадцать лет и обратились за помощью, когда Олег признался, что несколько месяцев переписывался с другой женщиной, не переходя, впрочем, границы физической измены. Марина восприняла это как полное крушение брака: для неё семья всегда была почти таинством,

тем самым розановским «священное ничего нет», — и любое движение чувств в сторону от неё воспринималось как предательство самой сути их союза.

Олег же, к её изумлению, назвал случившееся «просто эмоциональным эпизодом, не имеющим отношения к нашей семье». Для него брак все эти годы был скорее прочным, ценным партнёрством — тем самым аристотелевским «общением ради повседневных надобностей», важным и дорогим, но не тождественным романтическому влечению как таковому. Он искренне не понимал, почему увлечение на стороне, не затронувшее ни быт, ни детей, ни финансовые обязательства, должно поставить под вопрос весь пятнадцатилетний союз.

Примечательно, что оба супруга ни разу за пятнадцать лет не обсуждали вслух, что именно каждый из них понимает под словом «брак». Марина считала своё понимание самоочевидным — «а как иначе?» — и Олег тоже считал своё самоочевидным. На консультациях выяснилось, что этот скрытый философский разлад — не следствие измены, а её более глубокая причина: Олег годами ощущал, что от него требуют почти религиозной верности идее брака, которую он сам никогда полностью не разделял, а просто молча соглашался жить по чужим правилам. Работа с парой началась не с обсуждения самого эпизода переписки, а именно с честного, взрослого разговора о том, какую философию брака выбирает — уже осознанно, а не по умолчанию — каждый из них

теперь.

Семья и закон: от «Домостроя» до Семейного кодекса

Если философия отвечает на вопрос, зачем нужна семья, то право отвечает на куда более приземлённый, но не менее важный вопрос: что можно, а чего нельзя внутри семьи, и кто в ней главный. И здесь тоже спрятан источник конфликтов, о котором редко задумываются: многие из наших сегодняшних представлений о том, «как должно быть» в семье, — это не наши собственные, осознанно выбранные убеждения, а многовековое культурное наследие, которое продолжает жить в нас, даже когда законы давно изменились.

Семья под надзором церкви

На Руси рождение семьи как общественно признанного института проходило под прямым влиянием христианства. Церковь взяла семью под своё покровительство — и не без причины: новая, христианская модель семьи должна была стать противовесом языческим порядкам, которые церковь стремилась вытеснить. Взяв за образец греко-римские правовые уставы, церковь настойчиво и целенаправленно внедряла новые нормы семейной жизни.

Уже во времена Ярослава Мудрого семейная жизнь получила правовое закрепление — свод законов «Русская Правда», ставший продолжением церковного устава князя Владимира, закрепившего за церковью широкую юрисдикцию в семейных делах. Любопытная деталь: устав Ярослава признавал юридическое равенство супругов в имущественных вопросах — казалось бы, прогрессивная по тем временам норма. Но за рамками закона осталось то, что сегодня мы назвали бы домашним насилием: избивание мужем жены попросту не упоминалось как правонарушение. При этом жена, поднявшая руку на мужа, подлежала наказанию. Асимметрия, заложенная в законе буквально тысячу лет назад, — это не просто исторический курьёз. Это одна из самых ранних задокументированных иллюстраций того, как право может официально закреплять неравенство, которое потом столетиями

будет считаться «нормой» и «традицией» — вплоть до наших дней.

«Домострой»: инструкция на три раздела

В конце пятнадцатого века в Новгороде появился рукописный свод житейских правил, а в шестнадцатом веке московский протопоп Сильвестр — духовник и сподвижник Ивана Грозного — свёл разрозненные наставления в единую книгу, разделённую на три части. Первая часть учила, как молиться и вести себя в церкви. Вторая — как относиться к государю. Третья — как вести хозяйство и жить в семье. Так родился знаменитый «Домострой» — слово, которое давно стало нарицательным для обозначения патриархального семейного уклада.

Уложение 1649 года, следующий крупный свод законов, во многом продолжило принципы «Домостроя»: главенство мужа над женой и детьми, фактическая общность имущества, обязанность жены следовать за мужем — в буквальном смысле, включая перемену места жительства.

Стоит признать честно: эти ранние законодательные акты закрепили в сознании не только правовую, но и глубоко нравственную асимметрию — власть сильного над слабым, безнаказанность насилия внутри семьи, безжалостность в отношении самых близких людей. И в конечном счёте — обесценивание человеческой жизни там, где, казалось бы, эта жизнь должна цениться больше всего. Эта тема — домашнее насилие как укоренённая в культуре, а не только в отдельных

«плохих характерах» проблема — заслуживает отдельного, куда более подробного разговора, и мы вернёмся к ней позже в этой книге. Но важно понимать: корни этого явления уходят не в индивидуальную психопатологию отдельных людей, а в многовековую правовую и культурную традицию, которая долгое время попросту не считала происходящее внутри семьи предметом закона.

От Домостроя до равноправия: долгий путь

Сегодня российское право стоит на принципиально иных основаниях. Браки делятся на гражданские и церковные, и, что показательно, — на фактические, то есть сожительство без официальной регистрации, которое сегодня особенно распространено среди молодёжи. По своей структуре браки бывают моногамными, как в большинстве европейских и американских стран, и полигамными, как в некоторых странах Азии и Африки. В России брак основан на равноправии мужчины и женщины: отношения между супругами строятся на демократическом принципе разделения власти, справедливого распределения обязанностей и взаимной ответственности — за материальное благополучие семьи и за воспитание детей в равной мере.

Это не просто красивая формулировка. С юридической точки зрения брак — институт особого рода, который регулируется не только нормами права, но и нормами морали и этики, и именно поэтому он остаётся предметом отдельной отрасли — семейного права.

Что говорит закон сегодня

Нормативная база семейных отношений в России выстроена иерархически. На вершине — Конституция РФ. Следом идёт Семейный кодекс — основной кодифицированный акт, регулирующий семейные отношения на территории страны.

Уже первая статья, посвящённая браку, звучит почти как манифест: семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности всех членов семьи друг перед другом, недопустимости произвольного вмешательства кого бы то ни было в дела семьи. Закон признаёт только тот брак, что заключён в органах записи актов гражданского состояния, и строит регулирование семейных отношений на принципах добровольности союза, равенства прав супругов, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и приоритета защиты интересов детей и нетрудоспособных членов семьи. Любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак по признакам расы, национальности, языка или религии прямо запрещены.

Брачный возраст в России — восемнадцать лет, хотя при наличии уважительных причин местные органы власти вправе по просьбе самих желающих разрешить вступить в брак с шестнадцати лет.

Закон детально прописывает и порядок прекращения брака — вследствие смерти или объявления супруга умершим, а также путём расторжения по заявлению одного или обоих супругов. Интересная деталь, которая многим неизвестна: муж не имеет права без согласия жены инициировать развод во время её беременности и в течение года после рождения ребёнка — норма, которая напрямую защищает наиболее уязвимый период в жизни женщины и семьи в целом. Расторжение брака производится через органы ЗАГС, а в более сложных случаях — например, при споре о детях или разделе имущества — через суд, независимо от того, где формально был расторгнут брак.

Брачный договор: непопулярный, но полезный инструмент

Отдельная глава Семейного кодекса посвящена договорному режиму имущества супругов — тому, что в обиходе называют брачным договором. Это соглашение, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и в случае его расторжения. Заключить его можно как до регистрации брака, так и в любой момент семейной жизни; договор оформляется письменно и требует нотариального удостоверения.

В России к брачному договору традиционно относятся с подозрением — как будто сам факт его заключения означает недоверие партнёру или готовность к разводу заранее. Между тем закон позволяет прописать в нём куда более широкий

круг вопросов, чем принято думать: не только раздел имущества при разводе, но и взаимное содержание, порядок участия в доходах друг друга, распределение семейных расходов. Изменить или расторгнуть договор можно в любой момент по обоюдному согласию, а в одностороннем порядке — только через суд.

Парадокс в том, что именно отсутствие таких заранее проговорённых договорённостей — не только имущественных, но и по сути своей любых, от распределения обязанностей до финансовых ожиданий — становится источником огромного числа семейных конфликтов. Люди годами живут с непроговорёнными, взаимоисключающими представлениями о том, кто чем должен заниматься и на что имеет право, а потом с изумлением обнаруживают, что партнёр видел ситуацию совершенно иначе. Закон, при всей его сухости, в этом смысле предлагает здоровую модель: то, что важно, лучше обсудить и зафиксировать заранее, а не выяснять в разгар кризиса.

От «Домостроя», закреплявшего власть сильного над слабым как правовую норму, до Семейного кодекса, строящего брак на равенстве и взаимном согласии, — путь длиной в несколько столетий. Но культурная память живёт дольше законов. И когда мы переходим к разговору о гендерных различиях и типичных источниках семейных конфликтов, стоит держать в уме: многие ожидания, с которыми люди вступают в брак сегодня, всё ещё несут на себе отпечаток той самой многовековой асимметрии — даже если формально за-

кон давно уравнил мужчину и женщину в правах.

История из практики: договор, о котором забыли договориться

Вот собирательная ситуация, знакомая многим юристам, работающим с семейными спорами. Супруги — условно назовём их Дмитрий и Елена — прожили в браке двенадцать лет, вместе купили квартиру, машину, вложились в семейный бизнес Дмитрия. Когда пара приняла тяжёлое решение развестись, выяснилось, что ни один из них никогда всерьёз не задумывался, кому и что будет принадлежать в случае расставания. «Мы же любили друг друга, зачем было думать о разводе», — сказала Елена на первой консультации у юриста, и эта фраза, при всей её понятной человеческой логике, обернулась месяцами судебных разбирательств, в которых пришлось буквально с нуля восстанавливать, кто и сколько вложил в бизнес, оформленный только на Дмитрия, хотя Елена годами вела в нём бухгалтерию бесплатно, как «жена, которая просто помогает».

Юрист, к которому обратилась пара, заметил в разговоре примечательную вещь: у обоих супругов было интуитивное, но никогда не проговорённое ощущение, что брачный договор — это что-то холодное, почти циничное, как будто заранее готовишься к разводу. Между тем именно отсутствие этого «холодного» документа обернулось куда более холодным и разрушительным судебным процессом уже после того, как тёплые чувства друг к другу иссякли.

Эта история — не аргумент в пользу того, что каждой паре обязательно нужен брачный договор. Но она хорошо иллюстрирует общий принцип, о котором шла речь в этой главе: закон предлагает инструменты для того, чтобы важные вопросы — имущественные, финансовые, ролевые — были проговорены заранее, пока отношения тёплые и стороны способны договариваться как партнёры, а не как противники. Пара, которая всё же садится и честно обсуждает подобные вопросы на берегу, вне зависимости от того, оформляют ли они итог юридически, как правило, оказывается устойчивее именно потому, что убирает из будущего огромный пласт потенциальных недоразумений.

Какие бывают семьи

Одна из самых частых, но редко осознаваемых причин семейных конфликтов звучит просто: два человека женятся на двух разных представлениях о том, что такое «нормальная семья». Один вырос в доме, где решения принимал отец, а мать вела хозяйство и не спорила. Другой — в доме, где мать зарабатывала больше и решала финансовые вопросы, а отец занимался бытом. Оба искренне уверены, что их модель — это и есть «как должно быть». И когда эти два «как должно быть» встречаются под одной крышей, конфликт практически неизбежен — просто потому, что никто не потрудился заранее проговорить, какую именно модель семьи они собираются строить вместе.

Поэтому прежде чем говорить о причинах и динамике конфликтов, полезно увидеть всю карту — какие вообще бывают семьи, по каким осям их можно классифицировать, и насколько, оказывается, это разнообразие велико.

Три вида брака по Плутарху

Тема классификации семьи занимала мыслителей ещё в античности. Мишель Фуко, обращаясь к «Наставлениям супругам» Плутарха, выделяет три типа брачных союзов. Первый — союзы, заключённые ради простого сожительства: партнёры в них остаются как бы отдельными частями смеси, каждый сохраняет свою обособленность. Второй — бра-

ки по расчёту, ради приданого или продолжения рода: их элементы образуют прочную, но всегда разборную конструкцию, подобную дому или кораблю, собранному плотником — крепко, но не навсегда, при желании можно разобрать. И третий, самый редкий тип — браки, основанные на взаимной любви, где происходит полное «растворение друг в друге», создающее единое, сросшееся целое, которое уже ничто не способно разъединить.

Показательно, что уже две тысячи лет назад люди понимали: не все браки устроены одинаково, и у каждого типа — своя логика прочности и своя логика уязвимости. Союз по расчёту редко разваливается из-за недостатка романтики — потому что романтики там изначально не предполагалось. А вот союз, заявленный как «брак по любви», особенно болезненно переживает малейшее охлаждение чувств — именно потому, что чувства были единственным, на чём он держался.

Как социологи разбирают семью на части

Современная социология подходит к анализу семьи куда более систематично. Отечественные социологи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский предложили смотреть на семью через три основных «среза», помимо родственной структуры. Первый — структура власти: кто в семье обладает формальным авторитетом, а кто — реальным, неформальным лидерством, и совпадают ли эти два полюса. Второй — структура коммуникации: какие каналы общения установлены меж-

ду членами семьи и насколько они на самом деле работают. Третий — ролевая структура: какие роли выполняет каждый член семьи и, что особенно важно, насколько эти роли совпадают с ожиданиями остальных.

Именно последний пункт — ролевые ожидания — заслуживает отдельного внимания. Огромная доля семейных конфликтов рождается не из того, что кто-то плохо выполняет свою роль, а из того, что у разных членов семьи разные, никогда не обсуждавшиеся вслух ожидания относительно того, какой эта роль вообще должна быть.

Классифицировать семьи можно по множеству критериев сразу: по семейному стажу — молодожёны, молодая семья, семья, ожидающая ребёнка, семья среднего и старшего супружеского возраста, пожилые пары; по количеству детей — от бездетной (инфертильной) до многодетной; по составу — неполная, нуклеарная, расширенная, семья повторного брака; по типу главенства — эгалитарные или авторитарные; по семейному укладу — есть, например, семья-«отдушина», куда приходят отдохнуть от внешнего мира, а есть детоцентрическая семья, где вся жизнь вращается вокруг ребёнка, или семья типа «спортивной команды», нацеленная на совместные достижения. Добавьте сюда классификацию по социальной однородности состава и по качеству отношений — от благополучной до дезорганизованной, — и станет ясно: под одним и тем же словом «семья» скрывается огромное разнообразие устройств, которые совсем по-разному реаги-

руют на одни и те же трудности.

Патриархат, матриархат, эгалитарность

Отдельного разговора заслуживает структура власти — вопрос, кто в семье главный. Патриархальная модель предполагает расширенные, многопоколенные семейные связи с доминирующей властью отца над всеми остальными членами семьи; она по сей день характерна для целого ряда стран — от Таиланда и Ирана до, как ни удивительно многим, вполне благополучной Японии и части консервативных регионов Германии и Бразилии. Матриархальная модель, зеркально, закрепляет властные функции за матерью как главой семьи. Эгалитарная модель — та, где властные полномочия распределены поровну между всеми членами семьи или закреплены за родителями в равной мере, без чёткого разделения на «главного» и «подчинённого».

Важно понимать: ни одна из этих моделей не является сама по себе «правильной» или «неправильной» — конфликтной становится не сама модель, а несовпадение ожиданий двух партнёров относительно того, какую именно модель они строят. Человек, выросший в эгалитарной семье и искренне считающий равноправие единственно возможной нормой, может годами не понимать партнёра, для которого естественной и удобной кажется более традиционная, патриархальная расстановка сил — и наоборот. Ни один из них

не «испорчен» и не «отсталый». Они просто выросли внутри разных культурных моделей, и об этом стоит договариваться так же осознанно, как о финансах или воспитании детей.

Когда семья отклоняется от нормы

Социология выделяет и то, что называют девиантной, или неблагополучной семьёй — там, где один из родителей страдает алкогольной или наркотической зависимостью. Отдельно рассматривается неполная семья — структура, в которой по тем или иным причинам отсутствует один из традиционно ожидаемых членов: разведённые родители или одинокие мамы и папы, самостоятельно воспитывающие детей.

Важно отметить: сам факт «неполноты» или отклонения от традиционной структуры не делает семью автоматически неблагополучной в психологическом смысле. Многие неполные семьи функционируют гораздо здоровее, чем формально «полные», но пропитанные хроническим конфликтом. Структурная классификация — это лишь карта, а не приговор.

Семья будущего: что предсказывал Тоффлер

Футуролог Элвин Тоффлер, размышляя о том, куда движется институт семьи, предсказал бурный рост разнообразия семейных форм: бездетные браки, профессиональное родительство, пенсионеров, воспитывающих внуков как собственных детей, корпоративные семьи, коммуны, однополые союзы, полигамию — по его мнению, всё это лишь малая часть того, с чем в дальнейшем начнут экспериментировать

так называемые «новаторские меньшинства».

Особенно интересна тоффлеровская идея групповой семьи — объединения нескольких взрослых и детей в единую структуру, которая, по мысли автора, служит своего рода страховкой от одиночества и отчуждения, нарастающих в современном мире: даже если один или два человека покидают такую семью, она продолжает существовать. Тоффлер также одним из первых в западной футурологии заговорил о семьях, основанных на однополых союзах — что для времени написания его книги было довольно смелым прогнозом. Российский психолог Л. Б. Шнейдер, много позже, в своей классификации семей тоже включила однополые пары, отметив, что в основе таких отношений лежит то же психофизиологическое влечение, что и в гетеросексуальных — просто направленное на партнёра своего пола.

Отдельный, почти этнографический интерес представляют формы брака, кажущиеся европейцу экзотикой, но по своему логичные внутри своей культуры. Антрополог Паскаль Буайе описывает полиандрию — брак одной женщины с несколькими мужчинами — не как результат «возросшей власти женщин», а, напротив, как решение, к которому мужчины приходят, когда их возможности выбора партнёрши сильно ограничены: проще разделить одну жену, чем остаться совсем без семьи. Он же описывает быт западноафриканского народа сенуфо, где женатые мужчины вообще не живут вместе с жёнами: они лишь навещают их по вечерам, а

всё остальное время проводят в родном доме, среди братьев и сестёр — общество сенуфо матрилокально и матрилинейно, дети принадлежат к материнской, а не отцовской родовой группе.

Чайлдфри и открытый брак

Современность добавила к этой палитре ещё две модели, которые часто вызывают споры именно потому, что бросают вызов привычным ожиданиям. Чайлдфри — не просто откладывание рождения детей «на потом», а осознанная, устойчивая идеологическая позиция: сознательное решение вообще не иметь детей. Открытый брак — модель, ставящая целью не разрушение, а, напротив, усиление подлинности отношений через расширенную свободу: принципы такого брака включают уважение к личному пространству партнёра, открытое, некритичное выражение чувств («скажи, что видишь и чувствуешь, но без критики»), гибкость ролевого поведения, право на собственный круг интересов и друзей, справедливое разделение ответственности и особое сочетание доверия — «статического», то есть базового, и «динамического», подтверждаемого повседневными поступками.

Можно относиться к этим моделям с симпатией или скепсисом — это не входит в задачу этой книги. Куда важнее другой вывод, к которому подводит весь этот обзор. Семья — не одна застывшая форма, а огромное множество работающих (и не очень работающих) конструкций. И львиная доля семейных конфликтов возникает не потому, что люди выбрали «неправильную» модель, а потому, что не выбирали её осознанно вообще — просто унаследовали от родите-

лей, от культуры, от кино и книг какой-то неявный шаблон и искренне удивляются, когда партнёр с другим шаблоном не совпадает с их ожиданиями. Осознанный разговор о том, какую именно семью вы строите вместе — какая в ней власть, какие роли, какие границы, — стоит вести не в разгар ссоры, а заранее, желательно ещё до того, как штамп в паспорте сделает этот разговор неизбежным.

История из практики: чья модель главнее

Вот собирательный случай, характерный для консультирования молодых пар. Супруги — назовём их Артём и Диана — поженились через полгода после знакомства, оба из благополучных, любящих семей. Проблема обнаружилась не сразу, а примерно на второй год брака, когда родился первенец. Артём, выросший в семье, где отец безоговорочно был главой дома, а мать вела хозяйство и советовалась с ним по любому серьёзному решению, искренне ожидал, что и в его собственной семье решения — особенно крупные, вроде смены города или траты значительной суммы — будут в конечном счёте оставаться за ним, пусть после совместного обсуждения. Диана выросла в семье, где родители принимали все решения строго пополам, вплоть до того, что крупные покупки обсуждались часами, пока не находился вариант, устраивающий обоих без чьего-либо формального «последнего слова».

Ни Артём, ни Диана никогда не формулировали свои ожидания так прямо — оба искренне считали, что их модель распределения власти в семье и есть «нормальная семья», а дру-

гая просто «пока не сложилась». Конфликт вспыхнул вокруг конкретного решения — покупки квартиры в другом районе города, — но на самом деле касался куда более глубокого вопроса: кто в этой семье имеет решающий голос, если консенсуса достичь не удаётся.

Психолог, к которому обратилась пара, предложил простое упражнение: описать по отдельности, на бумаге, как выглядело распределение власти в родительской семье каждого — кто решал вопросы о деньгах, о переезде, о воспитании детей, и что происходило, если мнения расходились. Когда Артём и Диана прочитали описания друг друга вслух, оба испытали что-то вроде шока узнавания: они не спорили о конкретной квартире, они спорили о двух разных, впитанных с детства моделях семейной власти — патриархальной и эгалитарной, — которые до этого момента ни разу не были названы вслух. Дальнейшая работа пары была направлена не на то, чтобы кто-то «победил» в вопросе о власти, а на то, чтобы сознательно, а не по инерции детства выбрать и договориться о собственной, третьей модели.

Зачем нужна семья: невидимая работа, которую она делает

Есть простой диагностический вопрос, который помогает понять природу многих семейных конфликтов: а зачем, собственно, эти два человека вместе? Звучит грубо, но ответ на него редко бывает единым для обоих партнёров. Один видит

в семье прежде всего эмоциональную опору, другой — экономическое партнёрство, третий — проект по выращиванию детей, четвёртый — статусный атрибут взрослой, состоявшейся жизни. И когда обнаруживается, что партнёры годами вкладывались в разные, не совпадающие цели одного и того же предприятия, конфликт становится почти неизбежным.

Функционалистский подход в социологии как раз и предлагает разобрать семью на отдельные функции — конкретные задачи, которые она выполняет. Ещё Огюст Конт, а вслед за ним Герберт Спенсер считали семью одним из важнейших структурных элементов общества именно потому, что она выполняет самоорганизующую функцию — превращает асоциального по природе человека в существо, способное к совместным, коллективным действиям. Проще говоря: семья — это первая и главная школа, в которой человек учится вообще быть с кем-то рядом.

Социолог М. С. Мацковский предложил смотреть на функции семьи сразу с четырёх сторон: что общество ожидает от семьи, что семья даёт обществу, что семья даёт отдельной личности, и что личность, в свою очередь, вкладывает в семью. Из этой четырёхсторонней схемы рождается деление функций на социальные, обращённые вовне, к обществу, и индивидуальные, обращённые внутрь, к конкретному человеку. И здесь уже виден первый источник напряжения: то, что важно для семьи «как для общества» — например, рождение и воспитание детей, — не всегда совпа-

дает с тем, что критически важно для конкретной личности внутри этой семьи здесь и сейчас — например, эмоциональная близость или личная реализация. Когда эти два уровня расходятся, конфликт практически гарантирован.

Дети как смысл семьи

Первой и, вероятно, самой очевидной функцией социологи называют репродуктивную — воспроизводство самой семьи через рождение детей. Философ Василий Розанов писал об этом с почти пугающей прямоотой: без детей семья, дающая своим старшим членам лишь кров и стол, неудержимо скатывается к «грубым, внешним удовольствиям» и перестаёт быть семьёй в подлинном смысле, превращаясь в простое дружеское сожительство. С этим тезисом сегодня многие бы поспорили — целые модели семьи, о которых шла речь в предыдущей главе, включая чайлдфри и бездетные браки, прямо оспаривают идею, что дети — обязательное условие «настоящей» семьи. Но сама постановка вопроса показывает, насколько глубоко и давно репродуктивная функция вплетена в культурное представление о смысле брака — и насколько болезненным может быть конфликт, когда один партнёр хочет детей, а другой — нет, или когда один считает детей главной целью семьи, а другой — лишь одним из многих её проектов.

Тесно связанная с репродуктивной — сексуальная функция, направленная на удовлетворение соответствующих потребностей и одновременно осуществляющая своего рода социальный контроль над сексуальными отношениями внутри семьи, задавая рамку допустимого и недопустимого. Рас-

согласование ожиданий в этой сфере — одна из самых интимных и одновременно самых часто замалчиваемых причин семейных конфликтов, о которых партнёры порой предпочитают молчать годами, вместо того чтобы обсудить прямо.

Порядок рождения: незаметная драма детства

Особенно интересна для понимания будущих семейных сценариев концепция Альфреда Адлера о «порядке рождения» — идея о том, что позиция ребёнка среди братьев и сестёр во многом формирует его характер и, в конечном счёте, стиль будущих отношений.

Первенец, по Адлеру, получает безграничную любовь и внимание родителей — до тех пор, пока не появляется второй ребёнок. Этот момент психологи иногда называют «свержением с трона»: старший внезапно вынужден делить родительское внимание, и для него это может стать настоящей маленькой трагедией одиночества. Но именно эта борьба за утраченное первенство, отмечает Адлер, делает из старших детей хранителей семейных традиций и моральных стандартов — людей, для которых порядок и ответственность становятся способом вернуть себе значимость.

Второму ребёнку в семье уготована совсем другая роль — вечного соперника, которому постоянно приходится доказывать, что он не хуже старшего брата или сестры. Отсюда, по наблюдению Адлера, характерная для таких детей выраженная ориентация на достижения — они часто вырастают

амбициозными именно потому, что с раннего детства привыкли догонять.

Младшему же, «баловню» семьи, достаётся особая позиция: с одной стороны, повышенное внимание и снисходительность, с другой — постоянное пользование вещами старших, если семья ограничена в средствах, что порой порождает собственное, отдельное чувство неполноценности. У таких детей, писал Адлер, часто развивается сильная мотивация превзойти старших — и не случайно он иронично называл младших детей потенциальными «будущими революционерами»: тех, кто с детства привык не соглашаться с уже установленным порядком.

Эта теория, при всей своей почти столетней давности, продолжает удивительно точно объяснять некоторые повторяющиеся паттерны в парах: почему старшие дети в браке порой неосознанно стремятся к контролю и порядку, почему средние дети часто оказываются лучшими переговорщиками и миротворцами в конфликте, а младшие — то самыми обаятельными, то самыми упрямыми в отстаивании собственной правоты.

Воспитание, контроль, экономика

Функция воспитания связана с привитием ребёнку первичных социальных знаний и навыков общения с людьми за пределами семьи — освоением ролей и норм взаимодействия. Именно через эту функцию семья становится первичным агентом социализации: тем местом, где человек впервые узнаёт, как вообще устроены отношения между людьми, задолго до того, как выйдет в большой мир со своими собственными представлениями о норме.

Функция первичного социального контроля, по мысли Мацковского, заключается в моральной регламентации поведения членов семьи — в формировании и поддержании тех самых незримых, но ощутимых санкций за недолжное поведение, которые действуют внутри семьи задолго до любого внешнего, государственного закона. Именно здесь, кстати, закладывается социальная ответственность в обе стороны: родителей перед детьми и детей перед родителями — асимметрия, которая с возрастом закономерно меняет направление.

Экономическая функция обеспечивает материальную сторону жизни семьи — от первичных, витальных потребностей до поддержания достойного качества жизни, включая заботу о несовершеннолетних и нетрудоспособных членах. С ней тесно связана функция передачи по наследству част-

ной собственности: если раньше аристократы передавали детям титулы и статус, то сегодня эта функция вполне жива и в самой обычной российской семье — вопрос о том, кому достанется квартира, дача или машина, остаётся одним из самых напряжённых и конфликтных сюжетов внутрисемейных, а особенно межпоколенческих отношений.

Быт, статус, досуг и то, чего не хватает чаще всего

Хозяйственно-бытовая функция кажется приземлённой — поддержание санитарно-гигиенических условий, уход за детьми и пожилыми родственниками, — но именно она создаёт ту самую повседневную, незаметную атмосферу комфорта, отсутствие которой ощущается острее всего. Именно вокруг быта — кто моет посуду, кто выносит мусор, кто планирует покупки — разворачивается огромная доля мелких, но выматывающих семейных конфликтов, которые сами по себе кажутся ничтожными, но накапливаются в ощущение хронической несправедливости.

Функция предоставления социального статуса связывает семью с более широкой социальной иерархией — через брак и семейное положение человек так или иначе позиционируется в обществе, удовлетворяет потребность в социальном продвижении. Досуговая функция отвечает за организацию совместного отдыха и взаимное обогащение интересов — казалось бы, второстепенная вещь, но именно нехватка совместного, качественного досуга нередко становится первым тревожным звонком отчуждения в паре, задолго до откры-

того конфликта.

Отечественный исследователь В. Т. Лисовский обращал особое внимание на защитную функцию семьи — ту роль «скорлупы», которая во все времена защищала своих членов от жизненных невзгод. Он же подметил традиционное, во многом культурно заданное распределение этой защиты: терпимость, нежность, забота о воспитании детей исторически ассоциировались с материнским началом, а забота о материальном обеспечении, готовность «подставить плечо» в трудную минуту — с мужским. Сегодня эта жёсткая гендерная привязка функций во многом размыта и оспаривается — и именно это размывание традиционных ролей, о котором подробнее пойдёт речь в следующей главе, само по себе стало одним из мощнейших источников современных семейных конфликтов.

И, наконец, две функции, которые легче всего не заметить, пока они не начнут давать сбой. Нормативно-ценностная функция — это то, как семья формирует у человека самую восприимчивость к базовым ценностям: добру, правде, вере. Первое понимание того, что такое добро, ребёнок получает не из книг, а из отношений между близкими людьми. А коммуникативная функция — казалось бы, самая простая, ведь что может быть естественнее разговора между родными, — на деле остаётся, пожалуй, самым дефицитным ресурсом современной семьи. Именно разговор — не бытовые распоряжения, не дежурные вопросы «как дела», а настоящее, рав-

ноправное общение — формирует личность ребёнка и поддерживает связь между взрослыми партнёрами. И когда этот разговор истончается до формальностей, семья начинает выполнять все остальные функции — экономическую, хозяйственную, статусную — механически, по инерции, теряя при этом главное, ради чего, собственно, всё затевалось.

Полезное упражнение для любой пары: честно, вслух перечислить, какие из этих функций для каждого из вас сейчас важнее всего, а какие оказались заброшены. Очень часто именно в этом коротком списке — не в характере партнёра, не в его «плохом поведении» — обнаруживается настоящая причина затянувшегося раздражения друг на друга.

История из практики: семья, где все функции работали, кроме одной

Вот собирательный случай, иллюстрирующий, как избирательно семья может «выпадать» из отдельной функции, оставаясь благополучной во всём остальном. Супруги — назовём их Павел и Ирина — на первый взгляд были образцовой парой: крепкий бюджет, ухоженный дом, двое хорошо успевающих в школе детей, дружные отношения с обеими бабушками. Тем не менее Ирина обратилась к психологу с жалобой на глубокое, непроходящее чувство одиночества внутри собственного брака.

При разборе оказалось, что практически все функции семьи, о которых шла речь в этой главе, у пары работали безупречно: экономическая, хозяйственно-бытовая, воспи-

тательная, функция социального статуса — по всем этим пунктам ни у Павла, ни у Ирины претензий друг к другу не было. Провисала одна-единственная функция — коммуникативная. Павел и Ирина за пятнадцать лет брака вырабатывали чёткое, эффективное распределение обязанностей и практически перестали по-настоящему разговаривать друг с другом — не по бытовым вопросам, а о себе, о своих переживаниях, о том, что каждого из них по-настоящему волнует или тревожит.

Психологу пришлось объяснить паре то, что для них самих оказалось неожиданным открытием: семья способна прекрасно функционировать как хозяйственно-экономическая и воспитательная единица, оставаясь при этом эмоционально почти нежилой. Ирина не была неблагодарной — она искренне ценила надёжность и заботу Павла. Но именно дефицит коммуникативной функции, единственной из всего перечня, годами накапливался в фоновое ощущение одиночества, которое в какой-то момент стало невозможно игнорировать. Работа пары строилась вокруг простого, но непривычного для них ритуала — двадцати минут в день, специально выделенных не на обсуждение расписания детей или бюджета, а на разговор о том, как прошёл день с точки зрения чувств, а не событий.

Он и она: откуда берётся гендерный конфликт
«Борьба полов представляет собой не только грандиозный

фон для исторических событий, но и каждый брак превращается в поле битвы», — писала психоаналитик Карен Хорни. Формулировка резкая, но за ней стоит наблюдение, знакомое, пожалуй, каждому, кто хоть раз состоял в отношениях: значительная часть семейных конфликтов имеет общий фундамент, лежащий не в характере конкретного мужа или конкретной жены, а в самой природе различий между мужчиной и женщиной — биологических, психологических и, что важнее всего, культурных.

Пол, который дан, и гендер, который выучен

Стоит с самого начала развести два понятия, которые в быту постоянно путают. Пол — это комплекс телесных, репродуктивных, поведенческих и социальных признаков, определяющих человека как мужчину или женщину. Он детерминирован иерархической системой механизмов — от генетики до психологического выбора партнёра. Внутри этого понятия отдельно выделяют психологический пол — характеристику личности с точки зрения маскулинности и феминности, то есть совокупности признаков, которые генетически заданы, но формируются именно под влиянием социальных факторов.

Психолог Л. Б. Шнейдер описывает, как рано у ребёнка формируется представление о собственном поле: уже к полутора годам малыш знает свою половую принадлежность, к трём-четырёх годам начинает различать пол окружающих — часто, впрочем, ориентируясь на случайные внешние при-

знаки вроде длины волос или одежды, — и только к шести-семи годам окончательно осознаёт необратимость своей половой принадлежности. Именно с этого момента дети по собственной инициативе начинают выбирать разные игры и разных партнёров по играм в зависимости от пола.

Половая идентичность — это то, как человек сам определяет свою половую принадлежность, переживает и осознаёт собственную маскулинность или фемининность. А половая роль — это уже не внутреннее переживание, а внешняя модель поведения: комплекс ожиданий и стереотипов, которые общество адресует мужчинам и женщинам. Человек осваивает эту роль — в том числе принятые в культуре нормы сексуального поведения и взаимоотношений между полами — в процессе половой социализации, то есть постепенного, растянутого на всё детство обучения.

Мифы о различиях, которые не выдерживают проверки

Отечественный психолог И. С. Кон в своё время собрал длинный перечень распространённых утверждений о различиях между мальчиками и девочками — и подверг их критическому анализу. В списке значились и относительно устойчивые находки (например, некоторое превосходство девочек в вербальных способностях, а мальчиков — в визуально-пространственных), и утверждения, которые при ближайшем рассмотрении оказались попросту необоснованными: что девочки «социальнее» и внушаемее мальчиков, что у них ниже самооценка, что девочки справляются только с просты-

ми, рутинными задачами, а мальчики — со сложными познавательными процессами, что женский когнитивный стиль менее «аналитичен», чем мужской.

Этот критический разбор важен не сам по себе, а как урок методологической осторожности. Огромная часть бытовых представлений о «типично мужском» и «типично женском» поведении — это не факты психологии, а укоренившиеся культурные стереотипы, которые наука при ближайшем рассмотрении не подтверждает. И тем не менее именно эти непроверенные стереотипы то и дело всплывают в семейных ссорах в виде обобщений: «ты, как все женщины...», «вы, мужчины, вечно...» — обобщений, которые не столько описывают партнёра, сколько заранее обесценивают его личный, конкретный опыт.

Гендерный порядок и его иерархия

Гендер, в отличие от пола, — понятие социологическое: оно описывает не анатомические, а социальные и социально-психологические различия между мужчинами и женщинами, то, как культура предписывает им вести себя, выглядеть, говорить. Гендерная социализация начинается буквально с рождения и осуществляется через семью и средства массовой информации: ребёнок с первых дней жизни усваивает и интернализирует нормы и ожидания, связанные с его полом.

Социолог Энтони Гидденс обращает внимание на важную вещь: в обществе существует определённый гендерный порядок — иерархия, в которой маскулинность традиционно стоит во главе, а фемининность занимает подчинённое положение. Но, подчёркивает Гидденс, эта иерархия вовсе не статична: пол и гендер социально сконструированы, а значит, люди способны менять свои гендерные ориентации, а сам порядок — со временем трансформироваться.

Именно эта трансформация, разворачивающаяся прямо на наших глазах, и порождает то, что исследователи называют гендерным кризисом. Он проявляется сразу на нескольких уровнях. Во-первых, на институциональном — традиционные опоры мужской власти, такие как семья и государство, постепенно расшатываются под воздействием за-

конов о разводе, о домашнем насилии, а также экономических факторов. Во-вторых, это кризис сексуальности — безраздельное господство гетеросексуальной нормы слабеет, а женская сексуальность и сексуальность сексуальных меньшинств всё заметнее влияют на само представление о мужественности. В-третьих, это кризис формирования интересов: права замужних женщин, движение за права сексуальных меньшинств, рост антисексистских взглядов среди самих мужчин — всё это воспринимается традиционным гендерным порядком как угроза.

Кризис мужественности

Отдельного внимания заслуживает то, что можно назвать кризисом мужественности — процессом эрозии традиционных представлений о том, что значит «быть мужчиной». Изменения на рынке труда, рост безработицы разрушают классический идеал мужчины-кормильца: женщины сегодня объективно меньше нуждаются в мужчине для поддержания собственного социального и экономического статуса. В результате многие мужчины начинают сомневаться в собственной значимости и самооценке — том самом ощущении «полезности», которое веками было центральным столпом мужской идентичности.

Медиа при этом транслируют два противоречащих друг другу образа: с одной стороны — сильный, агрессивный, почти карикатурный «Рембо», с другой — новый культурный тип «сдержанной мужественности», для которого характерны участие в воспитании детей, нежность, забота о семье. Этот «чувственный мужчина», как его иногда называют, во многом формируется как культурный ответ на феминистские требования последних десятилетий. При этом, что важно, факторы культуры и социальной инерции по-прежнему удерживают большинство мужчин в рамках гетеросексуальной нуклеарной семьи как основной модели — резких, революционных сдвигов в этой сфере, вопреки распространён-

ному ощущению «слома традиций», пока не происходит.

Для семейной жизни этот кризис означает вполне конкретную вещь: очень многие мужчины сегодня оказываются между двух моделей мужественности — унаследованной от отцов и дедов моделью «добытчика» и новой, требуемой партнёршами моделью вовлечённого, эмоционально открытого отца и мужа, — и не всегда находят опору ни в одной из них. Женщины, в свою очередь, часто одновременно ожидают от партнёра и традиционной силы, и современной чуткости — комбинации, которую не так просто совместить в одном человеке. Это несовпадение ожиданий — одна из самых глубоких, редко проговариваемых линий современного семейного конфликта.

Фрейд: что формируется в детстве

Психоаналитическая традиция, у истоков которой стоял Зигмунд Фрейд, объясняет часть этих взрослых противоречий через детский опыт. Фрейд разработал теорию психосексуального развития, согласно которой ребёнок проходит через несколько последовательных стадий, каждая из которых оставляет свой отпечаток на взрослой личности.

На самой ранней, оральной стадии — от рождения примерно до полутора лет — источником удовольствия для младенца становится сосание материнской груди; по мнению Фрейда, недостаток или, напротив, избыток стимуляции на этом этапе может впоследствии проявиться во взрослом «оральном» поведении — от курения до переедания. На фаллической стадии, в возрасте примерно от трёх до шести лет, ребёнок впервые по-настоящему знакомится с собственным телом, у него пробуждается любознательность — и, по мысли Фрейда, именно на этом этапе формируется известный конфликт, который он называл Эдиповым комплексом у мальчиков и комплексом Электры у девочек. Психолог Л. Б. Шнейдер, развивая эту мысль, отмечает, что фиксация взрослого человека именно на фаллической стадии может проявляться по-разному: у мужчин — в навязчивом стремлении доказывать окружающим свою «настоящую» мужественность, у женщин — либо в склонности к флирту и со-

блзнению при внешней наивности, либо, напротив, в чрезмерной напористости и стремлении к главенству над мужчинами.

К этим построениям сегодня принято относиться с известной долей критической дистанции — многое в классическом психоанализе не выдержало проверки последующими десятилетиями исследований. Но одна мысль из этой традиции остаётся полезной: многое из того, что во взрослых отношениях выглядит как «характер» или «каприз» партнёра, на самом деле — давно забытый, но продолжающий работать отпечаток самых ранних детских переживаний.

Хорни: женская психология глазами женщины

Здесь же стоит вспомнить и о критике самого Фрейда — критике, прозвучавшей из уст его собственной ученицы. Карен Хорни в книге «Женская психология» указала на фундаментальную проблему классического психоанализа: психология женщины в нём рассматривалась исключительно с мужской точки зрения — как нечто, предназначенное обслуживать желания и разочарования мужчин.

Хорни пошла дальше и сделала наблюдение, которое до сих пор звучит остро: женщины действительно приспосабливаются к желаниям мужчин и со временем начинают принимать эту адаптацию за свою собственную, «истинную» природу — видят себя такими, какими их хотят видеть мужчины, бессознательно усваивая эту подсказку. Она напоминала, что вся наша цивилизация — маскулинная: государство,

законы, мораль, религия, наука — всё это исторически было создано мужчинами, включая сам психоанализ, который тоже разрабатывался почти исключительно мужчинами и поэтому был куда лучше настроен на понимание мужской, чем женской психологии.

Это наблюдение стоит держать в уме и сегодня, спустя почти столетие. Многие «объективные» представления о том, какой должна быть женщина в семье — заботливой, уступчивой, ориентированной на отношения больше, чем на достижения, — на поверку оказываются не биологическим фактом, а результатом многовековой культурной настройки, которую легко принять за собственную природу. И распознавание этой разницы — между тем, что действительно моё, и тем, что мне внушено, — часто оказывается первым шагом на пути к менее конфликтным, более честным отношениям между мужчиной и женщиной.

История из практики: кризис мужественности за кухонным столом

Вот собирательная ситуация, всё чаще встречающаяся в консультативной практике последних лет. Пара — назовём их Сергей и Юлия — прожили в браке восемь лет; всё это время Юлия зарабатывала заметно больше Сергея и в какой-то момент, после его вынужденного увольнения, фактически на два года стала единственным кормильцем семьи. Формально Сергей взял на себя быт и воспитание детей и, по собственным словам, «не видел в этом ничего страшно-

го» — современная, гибкая пара, свободная от устаревших стереотипов.

Тем не менее конфликты нарастали, и, что удивительно, ни один из них по видимому поводу не был связан с деньгами напрямую. Сергей стал вспыльчивым по мелочам, начал избегать встреч с друзьями, у которых жёны не работали, стал чаще выпивать по вечерам в одиночестве. Юлия, в свою очередь, чувствовала растущее раздражение, которое сама не могла объяснить — вроде бы муж прекрасно справляется с детьми, дом в порядке, чего ещё желать.

На консультации выяснилось, что оба супруга носили в себе не проговорённый вслух, унаследованный из детства сценарий «настоящего мужчины-добытчика» — тот самый, о котором говорилось в этой главе применительно к кризису мужественности. Сергей интеллектуально принимал новую модель распределения ролей, но эмоционально глубоко переживал утрату традиционного статуса, стыдился своего положения перед друзьями и не мог в этом признаться даже себе, не то что жене. Юлия, в свою очередь, интеллектуально поддерживала мужа, но эмоционально — вопреки собственным убеждениям — периодически ловила себя на желании видеть его более традиционно «сильным», и стыдилась уже этого желания как «несовременного».

Работа с парой началась именно с разрешения этого противоречия — не с советов «как правильно распределить роли», а с честного признания того, что оба переживают

внутренний конфликт между сознательными убеждениями и унаследованными культурными ожиданиями. Как только Сергей и Юлия смогли произнести эти скрытые переживания вслух, не стыдясь их, острота бытовых стычек заметно снизилась — оказалось, что дело было вовсе не в том, кто моет посуду, а в гораздо более глубоком, невидимом кризисе идентичности, о котором говорилось на страницах этой главы.

Жизнь семьи по сценарию: этапы и кризисы

Одна из самых обнадеживающих вещей, которые может дать наука человеку, переживающему семейный кризис, — это простое знание: с этим сталкивались почти все. Кризис, который сейчас ощущается как личная катастрофа, оказывается — в подавляющем большинстве случаев — совершенно предсказуемым, закономерным этапом, через который проходит практически любая семья на определённой стадии своего существования.

Антрополог Маргарет Мид называла семью «добровольным структурным объединением двух полов». Но это объединение — не статичная точка, а процесс, разворачивающийся во времени, и структура семьи закономерно меняется по мере того, как она проходит через свой жизненный цикл. Жизненный цикл — это определённые периоды жизнедеятельности семьи, влияющие на становление отношений между её членами; эти отношения меняются под воздействи-

ем объективных и субъективных факторов, и именно вследствие неблагополучия на каждом из этапов возникает конфликт.

Восемь стадий одного пути

В 1948 году психологи Эвелин Дюваль и Рубен Хилл ввели в науку само понятие «жизненный цикл семьи» и предложили периодизацию, которая до сих пор остаётся самой распространённой. В её основе — наличие детей, их возраст и значение в жизни семьи. Всего выделяется восемь стадий.

Первая стадия — период формирования семьи, первые пять лет совместной жизни, когда супруги принимают и осваивают новые для себя роли, притираются друг к другу, выстраивают отношения с увеличившимся кругом родственников — прежде всего с родительскими семьями обоих партнёров. Показательная и отрезвляющая деталь: именно на этот период приходится около тридцати процентов всех разводов. Романтика медового месяца оказывается куда более хрупкой конструкцией, чем принято думать, — именно потому, что супругам впервые приходится согласовывать не мечты друг о друге, а реальный, ежедневный быт.

Вторая стадия начинается с рождением первого ребёнка и длится, пока ему не исполнится три года. Пара переходит от отношений вдвоём к куда более сложной треугольной структуре — и эта трансформация супружеских ролей редко проходит безболезненно: забота о младенце неизбежно отодвигает на второй план заботу партнёров друг о друге.

На третьей стадии, пока старший ребёнок остаётся до-

школьником, родители адаптируются к его растущим потребностям, накапливают усталость и учатся мириться с сильным ограничением личного пространства — того самого, которого так не хватает уже вымотанным родителям маленьких детей.

Четвёртая стадия — школьный возраст старшего ребёнка, примерно до тринадцати лет. Внимание семьи смещается на учебные успехи детей, побуждение их к достижениям становится главной родительской задачей — а между самими супругами в это время нередко ощущается заметный дефицит чувств: всё внимание уходит на детей, друг на друга его почти не остаётся.

На пятой стадии дети становятся подростками — примерно от тринадцати до двадцати одного года. Это один из самых трудных периодов и для детей, и для родителей: взрослым приходится искать баланс между предоставлением подростку свободы и требованием от него ответственности, готовиться к его будущему уходу из семьи. Именно здесь у родителей часто впервые за много лет появляется время на собственные интересы и карьеру — но одновременно обостряется и дефицит эмоциональной близости между супругами, который копился все предыдущие годы.

Шестая стадия — «выпускание детей из гнезда»: от ухода первого ребёнка до момента, когда семью покидает и самый младший. Взрослые дети и родители учатся жить в новой, более независимой конфигурации. Именно на этом этапе, от-

мечают исследователи, часто обостряется семейный кризис особого рода — усиливающаяся эмоциональная зависимость жены, её тревога по поводу возможных измен мужа, — потому что привычная структура семьи, годами державшаяся на заботе о детях, внезапно лишается своей опоры.

Седьмая стадия — средний возраст родителей, от опустевшего гнезда до выхода на пенсию. Супругам приходится заново, во второй раз в жизни, выстраивать отношения друг с другом — теперь уже без детей в качестве общего проекта и посредника. И, наконец, восьмая, завершающая стадия — старение: принятие выхода на пенсию, адаптация к старости, а затем и переживание утраты, когда один из супругов уходит из жизни раньше другого. Сохранение связей с детьми и внуками, отмечают исследователи, во многом облегчает переживание этого последнего, самого сложного этапа.

Другой взгляд на те же этапы

Отечественные социологи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский предложили более компактную периодизацию из четырёх этапов: от заключения брака до рождения первого ребёнка; от рождения первенца до его поступления в школу; период до достижения последним ребёнком экономической самостоятельности; и, наконец, этап, начинающийся с того момента, когда последний ребёнок создаёт собственную семью.

Исследователи Ю. Г. Астахова и М. В. Агасарян обратили внимание на важную методологическую тонкость: жиз-

ненный цикл — это именно цикл, а значит, в нём должна прослеживаться повторяемость, регулярность семейных событий. Причём цикличность обнаруживается не только при смене поколений: даже переход к нуклеарным семьям, разводам и повторным бракам сохраняет свою внутреннюю регулярность. Важно и то, что стадии семейного цикла должны отражать именно семейную, а не индивидуальную специфику событий — то есть не изолированные вещи, случившиеся с одним человеком, а события, затрагивающие всю триаду супружества, родительства и родства одновременно.

Что такое жизненный кризис

Отдельная и не менее важная категория — жизненный кризис. В социологическом словаре он определяется как любое разрушительное событие в жизни, вызывающее утрату важных отношений или социального статуса, требующее личностной перестройки и способное угрожать целостности «я» и социальных связей. В список типичных жизненных кризисов входят утрата, развод, вступление в брак, потеря или смена работы, нетрудоспособность, выход на пенсию, переезд, выселение — и все они, что важно, несут в себе стресс и тревогу, которые сами по себе могут становиться причиной последующих болезней.

Российско-американский социолог Питирим Сорокин посвятил кризису семьи отдельное, весьма пессимистичное по духу исследование. Он определял современную ему семью как союз мужа и жены, затем родителей и детей, и, в более широком смысле, союз родственников и свойственников, — союз, чьей основой служит признанный государством брак с определёнными юридическими последствиями. Изучая признаки углубляющегося кризиса этого союза, Сорокин перечислял: быстро растущую долю разводов; сокращение числа заключаемых браков и рост внебрачных связей, аборт и проституции как следствие того, что половое влечение всё чаще удовлетворяется вне брака; уменьшение числа детей

как символ и одновременно причину распада традиционной семьи; эмансипацию женщин, которая, по мысли Сорокина, способствует разложению патриархальной модели; и, наконец, секуляризацию брака — превращение его из религиозного таинства, делавшего союз чрезвычайно прочным, в преимущественно светский институт.

Сорокин фиксировал и не менее тревожные изменения на другой оси семьи — между родителями и детьми. Там, где раньше царила почти безграничная родительская власть и опека, теперь значительную часть воспитательных, образовательных и опекунских функций берёт на себя государство. При этом Сорокин делал важную оговорку: кризис семьи не означает её полного краха. «Разложение идёт быстрее... но оно не ведёт к гибели семьи вообще, — писал он. — Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут иными». Столетие спустя эта оговорка выглядит на удивление пророческой: институт семьи действительно не исчез, но радикально трансформировался, о чём мы уже говорили в главе о многообразии современных семейных моделей.

Что на самом деле ломает браки: неожиданная статистика. Отечественный психолог Л. Б. Шнейдер приводит статистику, которая заставляет пересмотреть привычные представления о причинах развода. Среди пар, развоdivшихся в первые два года брака, около восьми процентов называли причиной вмешательство родителей в их жизнь; среди

проживших вместе пять и более лет таких было лишь 0,6 процента — то есть проблема родительского вмешательства практически перестаёт быть значимой по мере взросления самого брака.

Показательна и динамика конфликтов другого рода: со временем ссоры из-за эмоциональных отношений постепенно вытесняют конфликты из-за воспитания детей. По данным исследователя М. Джеймса, именно на пятом—десятом годах брака больше всего разногласий возникает именно вокруг вопросов воспитания. А вот после двадцати пяти лет совместной жизни, отмечает В. А. Сысенко, число разводов вновь начинает расти — и мотивируется уже совсем другими вещами: пьянством одного из супругов или фактическим созданием другой семьи, причём отношения, впоследствии оформляющиеся как «другая семья», как правило, начинают заметно раньше, чем формально распадается прежний брак.

Иными словами: причины семейных кризисов не постоянны, а закономерно меняются вместе с самим циклом семьи. То, что разрушает молодую пару, почти никогда не совпадает с тем, что разрушает пару, прожившую вместе четверть века. И знание этой динамики — само по себе полезный навигационный инструмент: понимая, на каком этапе цикла вы находитесь, легче предугадать, откуда придёт следующий удар, и подготовиться к нему заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.